

Ноябрь, № 7. Т. 2

УДК 94(47)«1917/1991»

История

2013

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КОВЧИНСКАЯ

старший преподаватель кафедры истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

sve6581@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СКАНДИНАВСКОГО НАУЧНОГО КОМИТЕТА «СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-Х ГОДОВ*

Анализируется совместная деятельность советского дипломатического ведомства, советского архивного ведомства и Скандинавского научного комитета «Северное общество» в области развития международных научных связей и обмена архивной информацией во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов. На основе документов рассматриваются вопросы организации работы скандинавских ученых в советских архивных учреждениях, изучается практика фотокопирования архивных документов в рамках советско-скандинавского Соглашения, исследуется проблема дипломатического урегулирования приграничных споров на основе выявленных скандинавскими историками архивных документов. Обобщаются причины расторжения Соглашения с «Северным обществом» в феврале 1932 года и сворачивания советской архивной политики «открытых дверей» в отношении иностранных исследователей.

Ключевые слова: архивы, Архив Октябрьской революции, фотокопирование архивных документов, скандинавские историки, «Северное общество», международный конгресс историков, копирайт, приграничные споры

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов в государственных архивах Советской России активную научно-исследовательскую работу проводили скандинавские историки. Данная деятельность была признана советским внешнеполитическим ведомством чрезвычайно важной в политическом отношении, всячески им поддерживалась и позволяла успешно развивать советскому государству международные архивные и научные связи как со скандинавскими странами, так и с международным научным сообществом в целом.

В мае 1927 года руководитель Народного комиссариата иностранных дел СССР (далее – НКИД СССР) Г. В. Чicherin обратился в Центрархив РСФСР с просьбой положительно решить вопрос о допуске в советские архивы скандинавских ученых, особо отмечая, что считает это мероприятие «крайне желательным по политическим соображениям¹. С этого времени скандинавские исследователи становятся постоянными посетителями читальных залов центральных московских государственных архивов – Архива Октябрьской революции (АОР) и Архива революции и внешней политики (АРиВП).

В 1925 году в состав АОР на правах «Отдела падения старого режима» был включен так называемый Новоромановский архив, образованный в 1918 году. Фонды архива составили сохранившиеся дневники и переписка бывшего российского императора Николая II и его семьи, а также материалы из Царскосельского, Зимнего, Гатчинского и других дворцов [3, 37]. Летом 1923 года в архиве для посетителей открылся читальный зал, основной поток исследователей

в который начинается с февраля 1925 года, когда был расформирован Государственный архив РСФСР и документы АОР образовали самостоятельное хранилище.

В июле 1927 года впервые разрешение для работы с архивными документами АОР получили иностранные исследователи. Одними из первых к занятиям в архиве приступили скандинавские профессора О. Брок и Э. Карлссон². Шведский ученый Эйнар Карлссон, занимаясь изучением объемного комплекса документов (переписка русских посланников в Копенгагене и Стокгольме с русским правительством в XIX веке), привлек в последующем к архивно-поисковой работе своего шведского коллегу Беггильда Андерссона. Для координации сотрудничества скандинавских ученых и советских архивистов 10 ноября 1927 года на заседании Коллегии Центрархива РСФСР была организована специальная «Комиссия по научно-историческим исследованиям взаимоотношений Скандинавских стран с Россией». Ведение дальнейших переговоров по вопросам организации ее деятельности поручалось заместителю руководителя Центрархива РСФСР В. В. Адоратскому, по совместительству заведующему АОР.

12 марта 1928 года по инициативе шведских, датских и норвежских ученых в столице Швеции г. Стокгольме был учрежден Специальный комитет по изучению советских архивов, касавшихся взаимоотношений скандинавских стран с Россией. В состав Комитета вошли известные скандинавские ученые: профессора О. Брок (Норвегия), О. Фрис (Дания), Э. Карлссон (Швеция), а также шведские историки К. Ф. Пальмстрина (Пальм-

штерна), Б. Андерссон и другие исследователи. Вскоре после этого в НКИД СССР поступили сведения о регистрации и начале деятельности на территории СССР иностранной некоммерческой организации – «Скандинавского комитета», который в последующем был преобразован в «Северное общество». Главной целью «Северного общества» объявлялось всестороннее изучение документов, хранящихся в советских архивах, по истории скандинавских стран и их взаимоотношений с Россией. Решение организационных вопросов, связанных с деятельностью «Северного общества», по предложению главы советского архивного ведомства М. Н. Покровского было вынесено на заседание Президиума ВЦИК, где окончательно было «признано возможным разрешить работу “Северного общества”»³.

В мае 1928 года в Москву прибыл официальный представитель «Северного общества» в СССР Олаф Брок⁴, который немедленно приступил к переговорам с руководством Центрархива РСФСР об организации систематической работы скандинавских исследователей в советских архивах. Кроме АОР, скандинавских историков также интересовали документы, хранившиеся в АРИВП, в состав которого входили фонды бывшего Министерства иностранных дел царской России.

Благоприятную ситуацию для успешного развития советско-скандинавского архивного сотрудничества создавал состоявшийся 14–16 августа 1928 года в столице Норвегии г. Осло VI Международный конгресс историков, на который СССР впервые получил официальное приглашение от международного научного сообщества. На одном из рабочих заседаний конгресса группа скандинавских ученых – профессора Х. Кут, Э. Карлссон, О. Фрис и О. Брок – обратились к руководителю советской делегации, профессору М. Н. Покровскому с официальной просьбой разрешить «Северному обществу» продолжить работу по изучению архивных документов в советских архивах, а также использовать в своей деятельности техническую новинку – фотостат (фотоаппарат шведского производства, позволяющий снимать архивные документы на кинопленку). Вопрос о массовом копировании архивных документов с помощью фотостата не вызвал тогда у советской стороны возражений и по согласованию с НКИД СССР был решен положительно⁵. Применение фототехники в деле копирования архивных документов представлялось на тот момент мероприятием прогрессивным, так как это значительно ускоряло копирование документов, решало проблему обеспечения сохранности оригиналов, снимало необходимость пересылки подлинных документов почтой, они не подвергались повреждениям при использовании. Понятие копираита и проблема нормативного регулирования отношений

в области применения права копирования архивных документов и распространения архивной информации стали обсуждаться советской стороной позднее.

1 сентября 1928 года шведская миссия в Москве направила в Центрархив РСФСР меморандум с просьбой оказать содействие шведскому ученому К. Ф. Пальмстиерну, который надеялся разыскать в советских архивах рапорты русского посланника в Стокгольме за 1844–1845 годы и выяснить по ним обстоятельства отзыва из России в то время шведского посланника в Петербурге барона И. Т. Пальмстиерна. Сведения, интересовавшие шведского ученого, были обнаружены в личном письме шведского короля Оскара I к российскому императору Николаю II⁶.

В период с 1928 по 1931 год прибывшие в СССР представители «Северного общества» (Э. Карлссон, К. Ф. Пальмстиерна, Б. Андерссон, О. Багге и др.) занимались в советских архивах главным образом с архивными материалами бывшего Министерства иностранных дел царской России. Первоначально при решении вопроса о допуске скандинавских исследователей к советским архивным фондам речь шла преимущественно об архивных документах дипломатического характера XVIII–XIX веков (до 1885 года). Однако в последующем советская сторона предоставила скандинавским ученым уникальную возможность ознакомиться с личной перепиской членов царской семьи Романовых и королевской датской фамилии из фонда Новоромановского архива⁷. Необходимо отметить, что фамильные (династические) архивы и документы дворцовых ведомств в то время во всех национальных архивах европейских государств находились исключительно на секретном хранении и были закрыты для научного использования [2].

Скандинавских ученых интересовали главным образом документы дипломатических архивов, которые относились к историческому периоду XVIII–XIX веков. Основные сюжеты, над которыми работали скандинавские исследователи: 1) дипломатические отношения России и Швеции; 2) внешние связи Дании в XVIII–XIX веках; 3) пограничные отношения Норвегии и России. Отдельные темы исследований касались следующих вопросов: 1) разделение между Россией и Норвегией «общих земель» (1826); 2) отделение Норвегии от Дании и соединение со Швецией (1814); 3) «Ноябрьский трактат» (1855); 4) вопрос о лопарях (до 1866 года); 5) датско-германские отношения (Северно-Шлезвигский вопрос); 6) история «Абосского свидания» российского императора Александра I с наполеоновским генералом Жаном Бернадотом, ставшим впоследствии шведским королем Карлом XIV Юханом (1809); 7) сведения о норвежцах и датчанах, состоявших на русской государственной службе при дворе императора Петра I⁸.

В октябре 1930 года Б. Андерссон, О. Багге и К. Ф. Пальмстерица обратились к профессору В. В. Максакову, одному из руководителей ЦАУ РСФСР, с просьбой помочь им в розыске архивных материалов, содержащих сведения о географических открытиях, сделанных датским капитаном Витусом Берингом, состоявшим на русской службе в 1680–1741 годах. В запросе ученых речь шла о путешествиях 1725, 1728 и 1741 годов [5].

Шведские историки неоднократно запрашивали у НКИД СССР сведения о местонахождении архива б. Статс-секретариата по делам Великого княжества Финляндского, а также интересовались степенью сохранности его материалов за 1830–1855 годы. В этот период НКИД СССР и ЦАУ РСФСР вели чрезвычайно сложные переговоры с правительством Финляндии по вопросу передачи финляндской стороне второй части этого документального комплекса. Данный сюжет рассматривался автором более подробно в отдельной статье [1].

Особые затруднения в переговорах между СССР и Финляндией возникли при рассмотрении архивного дела № 53 за 1833 год «Об организации съезда в Пальмаке представителей норвежских, российских и финляндских для прекращения споров пограничных лопарей». В конечном итоге подлинные архивные документы были переданы Финляндии, а у советской стороны остались фотокопии спорных архивных материалов. Главный дипломатический спор разгорелся вокруг малой этнической общности лопарей-коло́та (скольта), жителей села Суоникюля Печенгской области, бывшего Кольского уезда Архангельской губернии. Численность лопарей составляла около 200 человек, они имели свои зимние жилища, свою церковь на финляндской территории, однако пользовались определенными правами на рыбные угодья на территории СССР. К материалам о лопарях за 1830–1863 годы также неоднократно обращались в ходе своих архивных разысканий шведские ученые – профессор О. Брок и К. Ф. Пальмстерица⁹. Как оказалось, права лопарей-коло́та на рыбные угодья, находившиеся на советской территории, определялись не какими-либо юридическими актами и документами, а фактическим владением, связанным с кочевыми образом жизни и условиями родового быта, сохранявшегося у лопарей-коло́та к началу XX века. В связи с этим претензии финляндской стороны на часть территории СССР не признавались обоснованными. Решение данного приграничного спора основывалось, очевидно, на precedente разрешения «споров о норвежской семге», который был урегулирован 6 августа 1834 года русским министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде и шведско-норвежским посланником в России бароном И. Т. Пальмстерицем подписанием специального протокола. В центре

внимания данного дипломатического документа оказалось право пазрецких лопарей на лов семги в норвежских водах, где лопари традиционно ловили норвежскую семгу по жребию. Так как это право было закреплено в письменных документах, то оно официально признавалось норвежским правительством вплоть до 1924 года, когда это право было выкуплено у пазрецких лопарей Норвегией.

В связи с политической важностью архивных разысканий, проводившихся в советских архивах скандинавскими учеными, руководство НКИД СССР постоянно напоминало Центрархиву РСФСР о необходимости внимательно относиться к «скандинавским друзьям» и создавать для их работы все условия¹⁰. В связи с этим 13 декабря 1928 года Коллегия Центрархива РСФСР значительно упростила порядок допуска иностранцев к работе с архивными материалами советских архивов и правила работы иностранных исследователей в читальных залах государственных архивов. Теперь иностранные ученые могли обращаться для получения допуска в тот или иной советский архив непосредственно к руководству Центрархива РСФСР. НКИД СССР оставлял за собой право согласовывать выдаваемые разрешения¹¹. Данное решение Коллегии Центрархива РСФСР в последующем было закреплено в «Положении о Центральном архивном управлении РСФСР и СССР», утвержденном 29 января 1929 года (гл. VII, п. 86)¹².

7 января 1931 года на заседании Коллегии ЦАУ РСФСР были заслушаны «Тезисы» Ф. Д. Кретова о новых задачах и реорганизации архивного дела в СССР, где наряду с традиционными требованиями «об усилении бдительности» в деле охраны архивных материалов прозвучало также заявление о том, что «было бы преступлением держать под спудом архивные сокровища... по формальным соображениям о “секретности”, а в действительности – лишь из-за боязни взять на себя ответственность за выявление и использование документов, не представляющих на деле никакого секрета»¹³. Несмотря на то что выступление Ф. Д. Кретова на Коллегии ЦАУ РСФСР, по мнению Т. И. Хорхординой, являлось «первым развернутым манифестом перестройки всей архивной системы страны в тоталитарном духе» [5; 194], тезис Ф. Д. Кретова о том, что «архивное дело является не самоцелью, а политическим орудием пролетарской диктатуры и средством социалистического строительства» вполне соответствовал рекомендациям НКИД СССР о политической важности и необходимости продолжения сотрудничества с «Северным обществом».

В начале 1931 года «Северное общество» предложило советской стороне заключить Соглашение на право фотокопирования его представителями архивных документов с использованием шведского фотостата. Фотостат предоставляемый

ЦАУ РСФСР в бессрочное пользование. Его технические возможности были использованы советской стороной при разрешении дипломатического спора о возвращении Финляндии архива б. Статс-секретариата по делам Великого княжества Финляндского. Для фотокопировальных работ было выделено специальное помещение в здании ЦАУ РСФСР, позднее его преобразовали в архивную фотолабораторию. Объем фотокопировальных работ скандинавская сторона предлагала увеличить до 5000 снимков (копий) в месяц, по 200 снимков в день. Стоимость снимка одного документа определялась из расчета по 3 коп. за снимок, что составляло 85 руб. в месяц. С подобным размахом копировальных работ архивных документов советское архивное ведомство еще не сталкивалось, что со временем стало вызывать серьезные сомнения в целесообразности продолжения данного мероприятия.

Плату за фотографирование предполагалось переводить АРиВП через Госбанк СССР в сумме 85 руб. в месяц. Снабжать сотрудников архива новыми пленками, фотобумагой и переправлять готовые снимки из архива в Стокгольм предполагалось через сотрудников шведской миссии в Москве. Архивисты предложили представителям «Северного общества» согласовать вопрос о расчетах с советским дипломатическим ведомством и Народным комиссариатом внешней торговли (далее – НКВТ) СССР. 31 мая 1931 года НКВТ СССР сделал на проект Соглашения отрицательное заключение, отмечая, что иностранное Общество не является торговым (коммерческим), в связи с этим предлагаемый способ доставки пленок для фотостата через шведскую миссию без специального разрешения НКВТ СССР является незаконным. Обращалось внимание, что в Соглашении не указан юридический адрес Общества (его местопребывание) и не оговаривается вопрос о подсудности споров, которые могли возникнуть из Соглашения. Также советское внешнеторговое ведомство интересовалось, почему оплата за копирование документов должна была производиться в рублях, а не в иностранной валюте, что создавало для советской стороны невыгодные условия¹⁴. В свою очередь, НКИД в заключении от 6 июня 1931 года не усмотрел в тексте проекта Соглашения «никаких политических моментов», одобрав его с условием, что Общество получит разрешение НКВТ на ввоз в СССР кино-, фотоматериалов, необходимых для работы¹⁵.

1 октября 1931 года скандинавские ученые направили в ЦАУ РСФСР новый проект Соглашения, отредактированный профессором О. Фрисом. Текст был согласован с НКИД и НКВТ СССР, в Соглашении были устраниены все замечания относительно «политических моментов» мероприятия и таможенных формальностей. Соглашение предусматривало также воз-

можность отказа сторон от договорных условий с предупреждением за 20 дней. Однако дальнейшие переговоры по заключению Соглашения были отложены до ноября в связи с обновлением нормативно-правовых документов советского архивного ведомства. 13 октября 1931 года Коллегией ЦАУ РСФСР были утверждены новые «Правила пользования архивными материалами государственного архивного фонда в архивных учреждениях ЦАУ РСФСР»¹⁶.

Наконец, 13 ноября 1931 года советская сторона подписала пятый исправленный вариант Соглашения¹⁷. По мнению В. Максакова, именно положительный отзыв НКИД СССР на проект Соглашения убедил руководство ЦАУ РСФСР в возможности подписания нового Соглашения с «Северным обществом» о фотокопировании документов из дипломатических архивов б. Министерства иностранных дел царской России. Советское архивное ведомство попыталось также сформулировать общие правила копирования архивных документов и распространения архивной информации (право копираита). Особое внимание скандинавских историков обращалось на соблюдение в своей исследовательской работе требований, изложенных в «Положении о Центральном архивном управлении РСФСР» от 1929 года, а именно в гл. VII, п. 5 «Допуск к занятиям не дает занимающимся право на опубликование полностью подлинных текстов дел или отдельных документов и материалов. Полное опубликование подлинных текстов архивных материалов может быть произведено лишь по особым разрешениям ЦАУ РСФСР или областных и других соответствующих органов архивного управления по подведомственности указанных материалов», п. 6 «Воспроизведение архивных материалов графическими способами или путем фотографирования не дает занимающимся авторского права на воспроизведенные материалы. Опубликование их в печати, экспонирование или иное использование допускается лишь на основаниях, указанных в п. 5 настоящих правил»¹⁸.

Однако в январе 1932 года руководство ЦАУ РСФСР вновь серьезно задумалось о целесообразности продолжения сотрудничества с «Северным обществом» в рамках заключенного Соглашения. Неясность ситуации с массовым фотокопированием архивных документов вызывала постоянные вопросы у советских архивистов. За период с 1928 по 1931 год скандинавскими исследователями было сделано и переправлено за рубеж несколько десятков тысяч фотокопий архивных документов. «Уже эта цифра показывает, что “Комиссия по изучению советских архивов”, по существу, ставит себе задачей полное исчерпание наших архивов в той их части, которая касается скандинавских стран», – отмечал в январе 1932 года профессор В. В. Максаков¹⁹.

Как выяснилось на практике, массовое фотокопирование архивных фондов может выйти за рамки использования архивных документов в научных целях. Кроме того, мероприятие по копированию архивных документов, по мнению руководства ЦАУ, должны были осуществляться на принципах взаимности, при этом особо оговаривалось, что советские ученые должны были иметь такие же возможности, права и условия для своей научно-исследовательской работы в скандинавских архивах, какие были созданы для скандинавских и финских ученых в советских архивохранилищах.

В 1932 году советское архивное руководство начинает пересматривать политику «открытых дверей» в отношении скандинавских исследователей. Частично это было связано со сменой руководства ЦАУ. 10 апреля 1932 года в связи с кончиной руководителя советского архивного ведомства, профессора М. Н. Покровского в истории советского военного архивного дела завершилась целая эпоха. 23 июня 1932 года новым заведующим ЦАУ СССР был назначен Я. А. Берзин (1881–1938). Однако основной причиной пересмотра приоритетных направлений архивной политики СССР стал начавшийся в 1930-х годах процесс «юридического интегрирования» (Т. И. Хорхордина) архивных учреждений страны в систему государственного тоталитарного управления, завершением которого стало включение в 1938 году сети государственных архивов СССР в структуру органов НКВД [6; 193].

2 февраля 1932 года ЦАУ СССР официально известило «Северное общество» о невозможности продолжать работу по фотокопированию документов на основании заключенного в ноябре 1931 года Соглашения. «ЦАУ СССР, считая абсолютно недопустимым полное копирование архивных материалов, все же считает необходимым разрешить скандинавским ученым копировать материалы до определенной хронологической границы, исключительно материалов по сношениям царской России непосредственно со скандинавскими странами»²⁰. Об этом решении ЦАУ в апреле 1932 года В. В. Максаков также уведомил НКИД СССР в лице Б. С. Стомонякова, отмечая при этом, что окончательно «пресекать связь со скандинавскими и финскими учеными было бы... неправильно»²¹.

В июне 1932 года «Северное общество» через своего официального представителя в СССР профессора О. Брука вновь предприняло попытку поднять вопрос о заключении с ЦАУ СССР договора на фотокопирование документов дипломатических архивов, ссылаясь при этом на предоставленную им возможность проведения подобной работы в Секретном архиве Ватикана.

Однако данное предложение на этот раз не было поддержано советской стороной.

Во второй половине 1932 года профессиональные контакты и научные связи советских историков и архивистов с зарубежными коллегами постепенно стали сворачиваться или поддерживались в основном по линии Коминтерна. Не получив дальнейшей поддержки со стороны советского дипломатического ведомства, «Северное общество» также прекратило свою деятельность на территории СССР. Все попытки научной общественности широко обсудить проблему доступности национальных архивов для иностранных исследователей на очередном Международном конгрессе историков, состоявшемся в Варшаве в августе 1933 года, также не нашли отклика со стороны западноевропейских правительств [4; 163].

В заключение необходимо отметить, что в период с 1928 по 1932 год скандинавским исследователям создавались самые благоприятные условия для научно-исследовательской работы в читальных залах советских архивов, в том числе в таких секретных архивохранилищах СССР, как АОР и АРиВП. Свою деятельность скандинавские ученые с 1928 года осуществляли в основном в рамках договоренностей с советским дипломатическим ведомством, а затем в соответствии с заключенным в 1931 году Центрархивом РСФСР дополнительным Соглашением со Скандинавским научным комитетом «Северное общество». В конечном итоге советско-скандинавское международное сотрудничество благоприятно повлияло на развитие связей советских архивистов с международным научным сообществом и инициировало обновление Центрархивом РСФСР нормативно-правовой базы в области использования архивных документов.

Ситуация с массовым фотокопированием документов в советских архивах на рубеже 1920–1930-х годов показала, что спрос на архивную документную информацию становился все более востребованным. В связи с этим советские архивисты вынуждены были привлекать для использования в своей работе современную фототехнику с целью улучшения деятельности по копированию архивных документов. Технический прогресс начался в советских архивах уже в 1920-х годах, когда там впервые стали использовать наряду с пишущими машинками и фотостат. В мировой архивной практике массовое фотокопирование архивных документов стало широко применяться в архивах только после того, как в 1930-е годы в США был найден способ максимального уменьшения и воспроизведения письменной информации при помощи фотографического метода микрофильмирования.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ² ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 8. Д. 111.
- ³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ⁴ Олаф Брок (норв. Olaf Broch, 1867–1961) – норвежский славист, переводчик, историк, основоположник описательной фонетики славянских языков, иностранный член АН СССР (1925 год).
- ⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1725. Л. 4.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 2.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 2.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 32.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 597. Л. 3.
- ¹² Сборник руководящих материалов по архивному делу. 1917 год – июнь 1941 года. М.: ГАУ при СМ СССР, МГИАИ, 1961. С. 59–61.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2228.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 88, 88 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 89.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2324. Л. 4, 4 об. 5, 5 об.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 92 об.
- ¹⁸ Сборник руководящих материалов по архивному делу. 1917 год – июнь 1941 года. М.: ГАУ при СМ СССР, МГИАИ, 1961. С. 62.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1950. Л. 104.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1950. Л. 4.
- ²¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 09. Оп. 7. Папка 55. Д. 15. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковчинская С. Г. Архивные документы как объект советско-финляндских отношений в 1920 – начале 1930 гг. // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 44–51.
2. Любиненко И. Насколько доступны архивы различных стран исследователю? (по данным международной анкеты) // Архивное дело. 1931. № 3–4 (24–25). С. 105–111.
3. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945: Учеб. пособие. М.: Наука, 1969. 231 с.
4. Старостин Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М.: Информац.-изд. агентство «Русский мир», 1997. 332 с.
5. Хорхордина Т. И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 191–215.
6. Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг.: Монография. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994. 360 с.

Kovchinskaya S. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ACTIVITIES OF SCANDINAVIAN SCIENTIFIC COMMITTEE “NORTHERN SOCIETY” IN SOVIET RUSSIA AT TURN OF 1920s – 1930s

The paper deals with the analysis of mutual activities of the Soviet diplomatic mission, Soviet archives administration, and Scandinavian scientific committee “Northern society” in the area of international scientific communication development and archival information exchange during the second half of the 1920s and the beginning of the 1930s. On the basis of documents found in the State Archive of the Russian Federation (SARF) and in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF) the author considers the issues of arrangement of Scandinavian scientists’ work in Soviet archival institutions; studies practices of archival documents’ photocopying realized within the frames of the Soviet-Scandinavian Agreement; researches the problem of diplomatic adjustment of border disputes conducted with the aid of archival documents found by Scandinavian historians. The paper summarizes grounds for termination of the Agreement with the Northern Society in February, 1932, and for freezing Soviet archival policy based on the open principle in regard to foreign researchers.

Key words: archives, diplomatic archives, Archive of the October Revolution (AOR), archival documents photocopying, Scandinavian historians, “Northern society”, International Congress of historians, copyright, adjustment of border disputes

REFERENCES

1. Kovchinskaya S. G. Archival documents as the object of the Soviet-Finnish relationships in 1920-beginning of the 1930s [Arkhivnye dokumenty kak ob'ekt sovetsko-finlyandskikh otnosheniy]. Otechestvennye arkhivy [Russian archives]. 2005. № 1. P. 44–51.
2. Lyubimenko I. To what extent are the archives of various countries available for a researcher? (according to the data of the international survey) [Naskol'ko dostupny arkhyvy razlichnykh stran issledovatelyu? (po dannym mezhdunarodnoy ankety)] Arkhivnoye delo [Archiving]. 1931. № 3–4 (24–25). P. 105–111.
3. Maksakov V. V. Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR. 1917–1945. Uchebnoye posobiye [History and archives’ organization in the USSR of 1917–1945. A study guide]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 231 p.
4. Starostin E. V. Zarubezhnoye arkhivovedeniye: problemy istorii, teorii i metodologii [Foreign archival science: problems of history, theory, and methodology]. Moscow, Publishing house “Russian world”, 1997. 332 p.
5. Khorhordina T. I. Archives in the “mirror-world”: archival culture of totalitarian regimes [Arkhivy v “Zazerkal’ye”: arkhivovedcheskaya kul’tura totalitarnykh rezhimov]. Sovetskaya istoriografiya [Soviet historiography]. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 1996. P. 191–215.
6. Khorhordina T. I. Istoriya Otechestva i arkhyiy: 1917–1980-e gg.: Monografiya [National History and archives: 1917–1980s. Monograph]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 1994. 360 p.